

ЛИРА ВЕТРОВА,
АНАСТАСИЯ ШЕРР

ОНА
ПРИНАДЛЕЖИТ
ЕМУ. НО СЕРДЦЕ
ХОЧЕТ ДРУГОГО...

ЖЕНА БАНДИТА. ИМ НЕЛЬЗЯ....

18+

**Анастасия Шерр
Ли́ра Ветро́ва
Жена бандита. Его
запретная мечта**

<https://litres.ru/74408474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ильяс Керимов должен был охранять жену человека, которому был обязан жизнью. Не смотреть на неё слишком долго. Не замечать синяки под дорогими браслетами. Не слышать, как тихо она закрывает дверь своей спальни, когда муж возвращается домой.

Лея Азарова давно поняла, что роскошный дом может быть тюрьмой, а обручальное кольцо ничем не отличается от кандалов. Она не ждала спасения и не верила мужчинам, которые обещают защитить. Но новый охранник не обещал. Он просто однажды встал между ней и пулей, а потом отказался отойти. Так родилась их любовь. Любовь, за которую жестоко наказывают, ведь она жена бандита, а он ее безопасник...

Содержание

Глава	4
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жена бандита. Его запретная мечта

Глава

ЖЕНА БАНДИТА ДИЛОГИЯ

Остросюжетный любовный роман

18+

КНИГА ПЕРВАЯ ЕГО ЗАПРЕТНАЯ МЕЧТА АННОТАЦИЯ

Ильяс Керимов должен был охранять жену человека, которому был обязан жизнью. Не смотреть на неё слишком долго. Не замечать синяки под дорогими браслетами. Не слышать, как тихо она закрывает дверь своей спальни, когда муж возвращается домой.

Лея Азарова давно поняла, что роскошный дом может быть тюрьмой, а обручальное кольцо ничем не отличается от кандалов. Она не ждала спасения и не верила мужчинам, которые обещают защитить. Но новый охранник не обещал. Он просто однажды встал между ней и пулей, а потом отказался отойти. Так родилась их любовь. Любовь, за которую жесто-

ко наказывают, ведь она жена бандита, а он ее безопасник...

ГЛАВА 1

ЛЕЯ

Пуля вошла в стекло со стороны Леи и застряла в толстой двери, не долетев до её сердца нескольких сантиметров. Она даже не услышала выстрела. Сначала лопнуло окно, по лицу ударила мелкая стеклянная крошка, потом водитель дёрнул руль, и тяжёлый внедорожник снесло к бетонному ограждению. Машина впереди резко остановилась, сзади завизжали тормоза, а Лея сидела, прижав ладонь к щеке, и смотрела на тонкую струйку крови на пальцах. Всё произошло слишком быстро, чтобы испугаться сразу. Страх пришёл через секунду, когда водитель обмяк на руле, а из темноты парковки донеслась короткая очередь.

Дверь рядом с ней распахнулась прежде, чем Лея успела отстегнуть ремень. Чужая рука легла ей на затылок и силой пригнула вниз. Мужчина закрыл её собой, вытащил из салона почти волоком и повёл между машинами, не давая поднять голову.

Лея видела только его ботинки, тёмную ткань брюк и кровь, быстро пропитывающую рукав у локтя. Он не остановился, даже когда новая пуля ударила в кузов рядом с его спиной. Подтолкнул её за бетонную колонну, прижал к стене своим телом и выстрелил дважды, спокойно, без суеты.

— Не двигайтесь, — сказал он негромко. Его ладонь всё

ещё удерживала её за шею, не больно, но так крепко, что Лея чувствовала каждый палец. Он посмотрел ей в лицо, быстро проверил глаза, щёку, губы, затем перевёл взгляд на плечи и грудь, убеждаясь, что кровь на платье принадлежит не ей.

— Вы ранены?

— Нет. Это стекло. Водитель...

— На него не смотрите. Смотрите на меня.

Лея подняла глаза. Она знала Ильяса Керимова, хотя до этого вечера разговаривала с ним всего дважды. Он много лет работал рядом с Рамином, исчезал на месяцы, появлялся без предупреждения и никогда не садился за общий стол. В доме его боялись почти так же, как хозяина, но страх перед ним был другим. Ильяс не унижал людей ради удовольствия и не повышал голос. Он просто смотрел, и человек начинал вспоминать всё, что хотел скрыть.

На парковке стало тише. Из рации у него на плече донёлся голос Глеба Мельника, начальника охраны дома, потом кто-то крикнул, что стрелок уходит через северный выезд. Ильяс ответил коротко, велел не гнаться без подкрепления и вызвать врача водителю. Только после этого убрал руку с шеи Леи, снял пиджак и накинул ей на плечи поверх вечернего платья. Она хотела возразить, но заметила, как напряжена его челюсть. Рукав рубашки был разорван, кожа под ним рассечена осколком, однако он словно не замечал раны. Словно это уже давно вошло в привычку.

Рамин появился через несколько минут. Он вышел из пе-

редней машины злой, целый и без единой царапины. Два охранника держались по бокам, третий говорил с кем-то по телефону. Рамин не бросился к жене, не спросил, больно ли ей, не обнял. Сначала осмотрел пробитое стекло, потом пошёл к Ильяс и долго смотрел на его окровавленную руку, словно повреждение ценного оружия волновало его сильнее, чем лицо Леи, исцарапанное стеклом.

— Ты должен был быть впереди, — произнёс он.

— Я и был впереди. Поэтому успел вернуться, — ответил Ильяс без оправданий. Он не отводил взгляда, и между мужчинами на несколько секунд возникло тяжёлое молчание. — Маршрут знали шесть человек. Стреляли не наугад. Нас ждали.

Рамин медленно повернулся к жене. Его пальцы легли ей на подбородок и сжали сильнее, чем требовалось, когда он поворачивал её лицо к свету. Лея не отстранилась. Она давно научилась не делать резких движений рядом с мужем, особенно при свидетелях. Глядя на тонкий порез, Рамин нахмурился так, будто она сама позволила стеклу коснуться своей кожи.

— Почему ты сидела справа?

— Потому что всегда сижу справа.

— Сегодня должна была сесть за мной.

— Ты мне этого не сказал.

Его пальцы стиснули её челюсть. Боль была короткой, почти незаметной со стороны, но Ильяс шагнул ближе. Не вме-

шался, не коснулся Рамина, лишь оказался на расстоянии одного движения. Муж заметил это и отпустил Лею. На его лице мелькнула улыбка, от которой у неё стало холоднее, чем от ночного воздуха.

— Отвези её домой, — приказал Рамин. — С этой минуты ты отвечаешь за неё лично. Ни одного выхода без тебя. Ни одного человека рядом без проверки. Даже если ей захочется прогуляться по собственному саду, ты будешь идти следом.

— У меня уже есть охрана, — сказала Лея, не скрывая злости. Кожа на щеке горела, руки начинали дрожать, и она ненавидела себя за эту запоздалую слабость. — Мне не нужен ещё один человек, который будет считать мои шаги.

— Тебя едва не убили, а ты споришь из-за прогулок, женщина? Иногда я думаю, что зря женился на дуре, которая не понимает самых простых вещей, — Рамин провёл большим пальцем по её порезу и посмотрел на кровь. — Ильяс понимает. Поэтому с завтрашнего дня он будет твоей тенью. И мне плевать на твои протесты.

Домой они ехали в другой машине. Лея сидела на заднем сидении, завернувшись в чужой пиджак, а Ильяс устроился напротив, на откидном кресле. Он не задавал вопросов и не пытался успокоить. Раз в несколько минут смотрел в окно, проверял отражения и касался рации. Только когда колонна свернула к загородному дому, он достал из аптечки салфетку, наклонился и осторожно убрал кровь с её щеки. Его пальцы не коснулись кожи, но Лея всё равно задержала ды-

хание. После Рамина любой осторожный жест казался подозрительным, почти опасным.

На повороте автомобиль качнуло, и Лея машинально опёрлась ладонью о его предплечье. Под тонкой тканью рубашки напряглась мышца, но Ильяс не схватил её и не использовал случайное прикосновение, чтобы удержать дольше. Он лишь подождал, пока она снова сядет ровно, и медленно убрал руку с аптечки. От этой сдержанности не стало легче. Лея слишком хорошо знала мужчин, которые считали любое касание разрешением. Рядом с Ильясом ей впервые пришлось разбираться не со страхом, а с собственным телом, внезапно заметившим тепло чужой кожи.

— Вы можете не делать вид, что я хрустальная, — сказала она. — Я не разобьюсь.

— Уже разбились. Просто пока не чувствуете.

— Это такая профессиональная любезность?

— Я не любезный человек, Лея Романовна.

Он впервые назвал её по имени, и голос прозвучал слишком близко. Лея отодвинулась к двери, заметив это движение раньше, чем успела его остановить. Ильяс увидел. Ничего не сказал, но убрал салфетку и пересел чуть дальше, оставляя ей пространство. Такое простое уважение к её страху действовало сильнее утешений. Она отвернулась к окну и смотрела на чёрные деревья за высоким забором, пока ворота медленно открывались перед ними.

В спальне Лея долго стояла под душем, вымывая из волос

стеклянную пыль и чужую кровь. Рамин не пришёл. Он заперся в кабинете с людьми, телефоны не умолкали, по коридорам ходили вооружённые мужчины. Когда Лея вышла в халате, Ильяс уже проверял её комнаты. Он заглянул за тяжёлые шторы, осмотрел балконную дверь, открыл шкаф и провёл ладонью под широким подоконником. Другой охранник попросил бы разрешения или хотя бы отвёл глаза от её постели. Ильяс работал так, словно комната была местом возможного нападения, а не женской спальней.

— Закончили? — спросила она, остановившись у двери ванной. С волос еще капала вода, на щеке белела узкая полоска пластыря. — Или хотите проверить под матрасом?

— Уже проверил.

— Вы всегда такой невыносимый?

— Только когда в женщину стреляют, а она злится на того, кто закрывает её собой.

Он подошёл к окну и плотно задёрнул шторы. На секунду их взгляды встретились в тёмном стекле. Лея увидела высокого мужчину с закатанными рукавами и засохшей кровью на предплечье, потом увидела себя, слишком бледную, слишком маленькую в просторной комнате. За дверью стояла охрана, внизу распоряжался муж, на окнах были датчики, на воротах камеры. Всё это называли защитой, хотя она давно знала другое слово.

— Я не злюсь, что вы меня спасли, — произнесла тише. — Я злюсь, что теперь у моей клетки появился ещё один замок.

Ильяс замер. На его лице ничего не изменилось, но взгляд стал тяжёлым. Он перевёл его на дверь, за которой прошли люди Рамина, затем снова посмотрел на Лею. Она ждала привычной фразы о том, что муж заботится, что опасность реальна, что ей следует быть благодарной. Однако Ильяс ничего такого не сказал.

— Замок можно открыть, — ответил он после короткой паузы. — Хуже, когда человек забывает, что дверь вообще существует.

Он вышел, оставив её одну. Лея ещё долго стояла посреди комнаты и смотрела на закрытую дверь. Впервые за несколько лет кто-то в этом доме не назвал её неблагодарной, не объяснил, как ей следует жить, и не сделал вид, что решётки нужны ради любви. И от этого ей стало страшнее, чем на парковке под пулями.

ГЛАВА 2

ИЛЬЯС

К утру Ильяс знал, что нападение готовили изнутри. Камера на северном выезде отключилась за семь минут до первого выстрела, водитель второй машины получил неверную схему построения, а новый маршрут появился в охранной системе всего за час до ужина. Глеб Мельник объяснял сбой скачком напряжения, ругался на техников и предлагал найти виновного среди временных сотрудников ресторана. Ильяс слушал молча. Он слишком давно работал рядом с Рамином, чтобы верить в три случайности, случившиеся одновременно. Кто-то либо хотел убить Лею, либо намеренно выбрал её машину, чтобы заставить Рамина ошибиться.

В шесть утра он прошёл весь дом от подвального гаража до чердака. Проверил посты, сменил коды на боковых воротах, забрал у двух охранников телефоны и отправил их домой до отдельного разговора. Глеб ходил следом, раздражённо щёлкая зажигалкой. Ему не нравилось, когда Ильяс вмешивался в его хозяйство, но спорить открыто он не решался. Рамин ценил Глеба за исполнительность, а Ильяса держал рядом по другой причине. Восемь лет назад Рамин вытащил его из следственного изолятора, нашёл свидетеля, оплатил адвоката и заставил настоящего убийцу признаться. После этого долг стал частью жизни Ильяса. Он охранял Рамина,

вытаскивал его из засад, молчал там, где другой задавал бы вопросы, и убеждал себя, что верность важнее чужой правоты.

— Ты слишком быстро начал командовать, — заметил Глеб, когда они остановились у мониторов. Его светлые глаза были воспалены после бессонной ночи, на воротнике рубашки остался след чужой помады. — Рамин сказал приставить тебя к жене, а не отбирать у меня дом.

— Пока не найду дыру, дом тоже мой.

— Думаешь, кто-то из моих людей слил маршрут?

— Я думаю, ты должен был заметить отключённую камеру раньше меня.

Глеб усмехнулся, но лицо стало жёстким. Он терпеть не мог прямые обвинения и ещё сильнее не любил, когда не мог ответить тем же. Ильяс оставил его у экранов и поднялся на второй этаж. Возле спальни Леи дежурил молодой охранник. Он сообщил, что хозяйка не выходила, хотя из комнаты уже час доносились шаги. Ильяс постучал, подождал несколько секунд и вошёл после её сухого разрешения.

Лея стояла перед открытым шкафом в тёмных брюках и простой белой рубашке. Вечернее платье лежало на полу, дорогое, испорченное кровью и стеклом. Без украшений и косметики она выглядела моложе, но порез на щеке и тени под глазами делали лицо резче. На кровати был раскрыт небольшой дорожный чемодан. Ильяс заметил в нём джинсы, свитер, документы и наличные, аккуратно перетянутые банков-

ской резинкой.

— Куда собрались?

— В свою мастерскую. Она находится в другом крыле, до неё сорок шагов. Надеюсь, у вас хватит людей пережить такое путешествие.

— Для сорока шагов чемодан не нужен.

Лея медленно закрыла дверцу шкафа. Вчера она дрожала после выстрелов, сегодня держала спину ровно и говорила так, словно заранее приготовилась к драке. Ильяс видел подобное много раз. Страх уходил не потому, что человек успокаивался, а потому, что ему становилось всё равно, чем закончится сопротивление.

— Вы собираетесь докладывать мужу о каждой моей вещи? — спросила она. — Тогда начните с нижнего белья. Красное лежит слева, чёрное справа. Рамин любит порядок.

— Мне не интересны ваши вещи. Мне интересен выход, которым вы хотели воспользоваться.

— Балкон. По карнизу, потом вниз по водосточной трубе. Я каждый вторник так сбегая за хлебом.

Она говорила с насмешкой, но взгляд на долю секунды скользнул к служебной двери у гардеробной. Ильяс подошёл, открыл её и увидел узкую лестницу, ведущую к комнате прислуги. Замок был старым, датчика не было. За ночь она успела найти единственное место, где новая система не перекрывала путь. Не капризная жена, решившая устроить сцену, а человек, который давно изучал собственную тюрьму.

— Куда вы хотели уехать на самом деле?

— Никуда. Чемодан стоит здесь третий год. Иногда я перекладываю вещи, чтобы проверить, не разучилась ли собираться.

Ильяс повернулся к ней. Она не улыбалась. На дне чемодана лежала фотография пожилого мужчины перед небольшой галереей. Лея заметила его взгляд, захлопнула крышку и убрала чемодан под кровать. Пальцы у неё были спокойными, только на запястье под манжетой проступала жёлтая тень старого синяка.

— Мастерская действительно в другом крыле, — сказала она. — Я не собираюсь убегать сегодня. Можете идти впереди, сзади, ползти по потолку. Только не стойте у меня над душой.

Они прошли по длинной галерее, где на стенах висели картины, выбранные дизайнером. Ни одна не принадлежала Лее. Её мастерская оказалась в бывшем зимнем саду. Большие окна выходили на заснеженный двор, в воздухе пахло растворителем, древесной пылью и льняным маслом. На столе лежал старый холст с тёмным пейзажем, половина которого уже была очищена от копоти. Рядом стояли тонкие кисти, лампы и увеличительное стекло. Здесь не было золота, тяжёлых штор и вещей, купленных Рамином. Впервые Ильяс увидел пространство, в котором Лея не казалась чужой.

Она надела перчатки, включила лампу и склонилась над картиной. Ильяс проверил окна, дверь во двор и вентиляци-

онные решётки. Потом занял место у стены. Первые десять минут Лея делала вид, что его не существует. Через двадцать отложила кисть и резко повернулась.

— Вы собираетесь смотреть весь день?

— Я смотрю на окна.

— В окнах отражаюсь я.

— Это не моя проблема.

— Теперь всё, что касается меня, ваша проблема. Муж выразился предельно ясно.

Она подошла к шкафу за растворителем, но высокий табурет оказался на пути. Ильяс убрал его прежде, чем Лея успела наклониться. Их руки встретились на деревянной спинке. Она дёрнулась так резко, будто прикосновение обожгло, и тут же разозлилась на себя. Ильяс видел это по тому, как она сжала губы и упрямо не отступила.

Несколько секунд ни один не убирал руку со спинки табурета. Ладонь Ильяса лежала поверх её пальцев, большая, тёплая, с грубыми шрамами на костяшках. Он стоял так близко, что Лея чувствовала запах холодного воздуха на его одежде и слышала спокойное дыхание. Взгляд мужчины на мгновение опустился к её рту, затем сразу вернулся к глазам. Ильяс первым разжал пальцы и отступил. Лея ещё долго ощущала на коже тяжесть его ладони, хотя прикосновение длилось всего несколько секунд.

— Я не трону вас без необходимости, — сказал он.

— Все мужчины Рамина говорят так в первый день.

— И кто из них нарушил слово?

Лея долго молчала. Потом опустила рукав ниже, закрывая синяк. В этот момент в мастерскую вошла Зоя Сергеевна с подносом. Пожилая женщина работала в доме ещё до свадьбы и относилась к Лее не как к хозяйке, а как к девочке, которую однажды привезли сюда в белом платье и забыли спросить, хочет ли она остаться. Увидев Ильяса, Зоя напряглась, поставила чай на дальний стол и попросила Лею поесть. В её голосе было слишком много осторожности.

— Предыдущий охранник тоже стоял здесь? — спросил Ильяс, когда Лея снова занялась холстом.

Зоя побледнела. Лея первой подняла голову.

— Предыдущий охранник уволился.

— Нет, — тихо возразила Зоя. — Его увезли ночью. После того как он разрешил вам съездить к матери без сопровождения.

В мастерской стало тихо. Лея сняла перчатки и подошла к женщине, но та уже жалела, что сказала лишнее. Ильяс не стал давить. Он знал фамилию того охранника. Три месяца назад мужчина якобы украл деньги и исчез. Рамин не позволил искать его через полицию, сославшись на репутацию семьи. Тогда Ильяс не задал вопрос, потому что находился в другой стране и привык считать чужие исчезновения частью работы.

— Идите на кухню, Зоя Сергеевна, — сказала Лея. — И никому не повторяйте.

Когда дверь закрылась, она вернулась к столу. Кисть дрогнула в её пальцах, оставив на холсте тонкую светлую полосу. Лея выругалась шёпотом и начала осторожно снимать свежую краску. Ильяс не спрашивал, что случилось с охранником. Ответ уже был в том, что она не смотрела ему в лицо.

Вечером Рамин вызвал Ильяса в кабинет. На столе стоял нетронутый ужин, рядом лежали распечатки с камер и список сотрудников. Рамин курил у окна, хотя в доме никто больше не смел зажигать сигарету. Он говорил спокойно, но Ильяс знал эту спокойную ярость. После неё обычно кто-то исчезал, а остальные становились внимательнее.

— Лея попытается использовать тебя, — сказал Рамин. — Она умеет выглядеть несчастной. Не верь каждому взгляду.
— Она сегодня собирала чемодан.

Рамин даже не обернулся.

— Он всегда собран. Женщинам нравится думать, что у них есть выбор.

— Почему исчез её прежний охранник?

Вопрос повис в кабинете. Рамин медленно затушил сигарету и посмотрел через плечо. Его лицо оставалось спокойным, но глаза потемнели.

— Он забыл, кому служит. Я не люблю повторять правила, Ильяс. Моя жена принадлежит мне. Ты защищаешь её от пуль, чужих рук, глупых решений и от неё самой. Не жалеешь, не утешаешь и не помогаешь бежать. Всё остальное закончится плохо для вас обоих.

Ильяс выслушал, кивнул и вышел. Он был обязан Рамину жизнью, именем и свободой. Долг не исчезал из-за неприятного разговора. Но, проходя мимо мастерской, Ильяс увидел через стекло Лею. Она сидела на полу возле старой картины, устало прислонившись головой к столу. Рядом стояла чашка остывшего чая, а под кроваво-красным браслетом снова виднелся синяк. И впервые за восемь лет Ильяс подумал не о том, сколько он должен Рамину, а о том, что именно помогал ему охранять.

ГЛАВА 3

ЛЕЯ

Через два дня Рамин разрешил Лее поехать в город на заседание благотворительного фонда. Он произнёс это за завтраком так, будто дарил ей редкую милость. На длинном столе остывал кофе, за окнами медленно падал снег, а у дверей стояли двое охранников. Ильяс ждал в холле. После нападения он почти не уходил из дома, сменил половину постов и лично проверял каждую машину. Лейя старалась не замечать, как уверенно его шаги различались среди остальных и как спокойнее ей становилось, когда он находился за дверью.

— После фонда сразу домой, — сказал Рамин, листая сообщения в телефоне. — Никаких магазинов, кладбищ и внезапных встреч с подругами.

— У меня нет подруг. Ты позаботился.

— Значит, хотя бы одна проблема решена.

Он улыбнулся, не поднимая глаз. Раньше такая улыбка заставляла Лею замолчать. Сегодня она посмотрела на него дольше обычного, и Рамин наконец отложил телефон. На его лице не было злости, только холодное удивление человека, обнаружившего, что вещь вдруг научилась сопротивляться.

— Что-то ещё?

— Да. Я хочу навестить маму.

— Нет.

— Я не видела её четыре месяца.

— Она здорова, деньги получает вовремя. Не понимаю, зачем вам обязательно сидеть в одной комнате.

Лея стиснула ложку так, что заболели пальцы. Её мать жила всего в сорока минутах езды, но каждый визит зависел от настроения Рамина. После исчезновения прежнего охранника он вообще запретил встречи, объяснив это безопасностью. Лея знала, что спорить бесполезно, однако молчать было ещё хуже. Молчание постепенно делало его правым.

— Потому что она моя мать, а не статья расходов.

Рамин встал. Движение было медленным, почти ленивым, но охранники у двери напряглись. Он подошёл, положил ладонь Лее на плечо и сжал. Пальцы попали точно на старый ушиб. Она не поморщилась, хотя перед глазами на секунду потемнело.

— Ты опять выбираешь неподходящее утро для проявления характера, — произнес негромко. — Поезжай в фонд. Улыбнись людям. Вечером мы вернёмся к этому разговору.

Ильяс ждал у машины. Он открыл заднюю дверь, но Лея прошла мимо и села впереди, рядом с водителем. Ей хотелось хоть в чём-то сломать привычный порядок. Ильяс не стал возражать. Обошёл автомобиль, занял место сзади и всю дорогу молчал. Только на первом светофоре Лея заметила в зеркале, что он смотрит на её плечо. Ткань пальто скрывала следы, но он, похоже, умел видеть то, что остальные предпочитали не замечать.

Заседание фонда длилось почти три часа. Лея слушала отчёты, подписывала бумаги и улыбалась фотографу, которого прислал Рамин. Фонд носил её имя, однако ни одного решения она не принимала без согласования с его людьми. Благотворительность была красивой витриной для денег, происхождение которых лучше не обсуждать. Лея всё равно цеплялась за эту работу. Здесь она могла оплачивать операции детям, помогать приютам и хотя бы иногда видеть, что не всё в её жизни принадлежит мужу.

Когда встреча закончилась, Ильяс сообщил, что основной выезд перекрыт аварией и они поедут через подземную парковку соседнего здания. Он шёл рядом, не касаясь Леи, но его внимание словно заполняло пространство вокруг. Данияр, водитель, опустил машину на нижний уровень и остановился у лифта. Свет там мигал, несколько мест пустовали, хотя обычно парковка была забита. Ильяс заметил это первым. Его рука легла Лее поперёк живота, останавливая шаг.

— Назад в лифт.

Двери за их спинами уже закрылись. Из-за бетонной колонны вышел мужчина в форме парковщика. Он держал руку в кармане, смотрел не на машину, а на Лею. Ильяс толкнул её за внедорожник в ту же секунду, когда раздался выстрел. Пуля ударила в стену, осыпав их серой крошкой. Данияр выскочил из машины, но второй нападавший появился со стороны. Ильяс выстрелил первым, затем рванул Лею вниз и прикрыл дверью.

Всё снова превратилось в короткие, рваные куски. Грохот. Запах резины. Чья-то тень под машиной. Данияр, осевший у переднего колеса с простреленной ногой. Ильяс, который двигался навстречу выстрелам, а не от них. Один из нападавших бросился к Лее, схватил её за волосы и потянул из-за двери. Она ударила его локтем в горло, вслепую нащупала тяжёлый огнетушитель и с размаху опустила на его запястье. Мужчина закричал. Ильяс оказался рядом, выбил оружие и ударил так, что нападавший рухнул на бетон.

— В машину, — приказал он. На боку его пальто расплозлось тёмное пятно. — За руль. Быстро.

— Вы ранены.

— Лея, за руль.

Она не помнила, как перелезла через сиденье. Ильяс затащил Данияра назад, сам сел рядом и захлопнул дверь. Пуля пробила колесо, но тяжёлая машина ещё могла идти. Лея нажала газ, снесла пластиковый шлагбаум и вывела внедорожник на рампу. Руки скользили по рулю, дыхание рвалось, однако страх не парализовал. Рамин никогда не позволял ей водить после свадьбы, но до него она ездила каждый день. Тело вспомнило быстрее головы.

Ильяс назвал адрес пустого склада в двух кварталах. Лея свернула во двор, загнала машину за металлические ворота и только тогда увидела, сколько крови на заднем сиденье. Данияр был в сознании, пуля прошла навывлет. Ильяс прижимал ладонь к боку, рубашка под пальто пропиталась крас-

ным.

— Аптечка под передним сиденьем, — сказал он. — Сначала Данияр.

— У него кровотечение остановлено ремнём. У вас кровь идёт сильнее.

— Делайте, что говорю.

— Вы не мой муж.

Ильяс посмотрел на неё так, что Лея на секунду пожалела о своих словах. Потом угол его рта дёрнулся в короткой, почти болезненной усмешке. Он расстегнул пальто и позволил ей разрезать рубашку. Ткань разошлась от рёбер до пояса, открывая сильное тело, покрытое старыми шрамами. Пуля лишь скользнула по боку, но края раны расходились при каждом вдохе. Лея промывала кожу, стараясь держать пальцы уверенно, а сама замечала слишком многое. Тепло его тела, жёсткие мышцы под ладонью, короткое движение живота, когда салфетка касалась особенно болезненного места. Ильяс сидел неподвижно, только сжимал челюсть и смотрел не на рану, а на её лицо.

Кровь была скользкой, бинт всё время съезжал. Лея наклонилась ближе, обвела повязку вокруг его талии и на секунду оказалась между разведённых коленей. Ильяс втянул воздух так резко, будто она снова коснулась повреждённой кожи. Его пальцы легли ей на запястье, помогая затянуть узел, но не отпустили сразу. Они оба поняли, что дело уже не в перевязке. Лея первой отвела глаза, однако не отступила,

пока он сам не убрал руку.

— Почему вы изменили маршрут? — спросила Лея.

— Я его не менял. Сообщение пришло от Глеба.

— Значит, он подставил нас?

— Пока ничего не значит. Не говорите об этом по телефону и Рамину тоже не говорите, пока я не проверю.

Лея подняла голову. Их лица оказались близко. На его виске блестел пот, в глазах стояла боль, но голос оставался ровным. Она вдруг поняла, что Ильяс доверяет ей опасную мысль. В доме Рамина доверие не дарили. Им расплачивались, как деньгами, и иногда цена оказывалась жизнью.

— Почему вы решили, что я не расскажу мужу?

— Потому что вы его боитесь сильнее, чем тех, кто сегодня стрелял.

Пальцы Леи замерли на бинте. Она хотела отшутиться, уколоть его, потребовать не лезть в её брак. Вместо этого посмотрела на собственное запястье. Манжета задралась, открывая следы пальцев Рамина. Ильяс увидел их. Его лицо не изменилось, но в складе словно стало теснее.

— Он ударил вас.

— Нет.

— Я не спрашивал.

— Это не ваше дело.

— Теперь моё. Я отвечаю за вашу безопасность.

— Перед ним. Значит, от него вы меня защищать не будете.

Ильяс не ответил. Лея закончила повязку, отстранилась и занялась Данияром. Через пятнадцать минут приехала вторая группа охраны с врачом. Рамин прибыл следом. Он вошёл на склад в расстёгнутом пальто, увидел разбитую машину, раненых мужчин и Лею в крови. На мгновение ей показалось, что он испугался. Но страх быстро превратился в ярость.

— Почему ты была за рулём?!

— Потому что Ильяс и Данияр были ранены.

— Я спросил не это. Кто разрешил тебе менять место и выходить через другую парковку?

— Никто. Нас туда направили твои люди.

Рамин шагнул к ней. Лея не успела отойти, но между ними встал Ильяс. Он двигался медленнее из-за раны, всё же встал так, что Рамину пришлось остановиться. Остальные мужчины замолчали. Никто не смел перекрывать хозяину путь к жене.

— Она вывезла нас из-под огня, — сказал Ильяс. — Если хотите искать виноватого, начните не с неё.

Рамин перевёл взгляд с него на Лею и обратно. В глазах появилась опасная ясность. Он не любил, когда ему перечили, и особенно не терпел свидетелей собственного бессилия. Однако вокруг стояли люди, а Ильяс был нужен живым. Рамин медленно кивнул, будто соглашался, затем ударил кулаком в металлическую дверь рядом с головой Леи. Грохот заставил её вздрогнуть.

— Домой, — произнёс он. — Немедленно.

Вечером врач запретил Ильясу дежурить, но он всё равно появился у её спальни. Лея открыла дверь и увидела его в свежей рубашке, бледного, с крепко перетянутым боком. Она хотела спросить, зачем он здесь, но заметила, что у него в руке её окровавленный шарф. Ильяс протянул его, словно это была важная вещь.

— Его нашли в машине.

— Можно было выбросить.

— Я не решаю за вас, что выбрасывать.

Лея взяла шарф. Их пальцы соприкоснулись, и на этот раз она не отдёрнула руку. Ильяс тоже не убрал свою сразу. Большой палец едва задел внутреннюю сторону её запястья, где под тонкой кожей бешено бился пульс, затем мужчина медленно разжал пальцы. Утром он был чужим человеком, навязанным мужем. Теперь под его повязкой лежала рана, полученная рядом с ней, а в памяти снова возникало, как он встал между ней и Рамином. Лея понимала, насколько опасно придавать этому значение, и всё равно запомнила, как изменилось его дыхание от одного касания.

— Спасибо, что вернулись за мной на парковке в первый вечер, — сказала она. — Вы могли остаться у машины Рамина.

— Мог.

— Почему не остались?

Ильяс посмотрел на неё долго и прямо. За его спиной тя-

нулся пустой коридор, камеры под потолком мерцали красными огоньками. Он знал, что их записывают, поэтому ответил лишь после паузы.

— Потому что пуля летела в вас.

Он ушёл, а Лея закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. Сердце билось слишком быстро. Она убеждала себя, что это остаточный страх, но перед глазами был не нападавший и не Рамин. Она видела ладонь Ильяса на своей шее, кровь на его рубашке и то мгновение, когда он выбрал её раньше, чем человека, которому служил восемь лет.

ГЛАВА 4

ЛЕЯ

Через десять дней после нападения дом перестал напоминать крепость, пережившую осаду, и снова стал обычной крепостью. Разбитую машину увезли, охранников заменили, в коридорах установили новые камеры. Рамин уезжал утром и возвращался глубокой ночью, пахнувший сигаретами, дорогим виски и чужими духами. Он больше не спрашивал Лею о выстрелах, словно опасность закончилась в ту минуту, когда он приказал усилить охрану. Ильяс почти постоянно находился рядом. Он сопровождал её в мастерскую, сидел у стены во время совещаний фонда, проверял чай, который приносили слуги, и никогда не делал вид, что это забота. Он просто выполнял работу, но именно отсутствие красивых слов постепенно становилось для Леи важнее всего.

Она привыкла различать его шаги, знала, когда у него болит бок, и замечала, как он незаметно переносит вес на левую ногу после долгого дежурства. Ильяс не жаловался. На вопросы отвечал коротко, от обезболивающих отказался на третий день, а повязку менял сам в комнате охраны. Лея дважды ловила себя на желании спросить, зажила ли рана. Оба раза промолчала. Между ними и без того появилось слишком много вещей, которых не должно было быть. Взгляды, задерживавшиеся на секунду дольше. Паузы, в которых они

понимали друг друга без слов. Спокойствие, которое она испытывала рядом с человеком, назначенным следить за ней.

Утром в четверг Зоя Сергеевна вошла в мастерскую с белым лицом. В руках у неё дрожал телефон. Она закрыла дверь, посмотрела на Ильяса, стоявшего у окна, и всё же подошла к Лее.

— Ваша мама в больнице. Соседка позвонила. У неё ночью сердце прихватило, сейчас говорят, что состояние стабильное, но она просит вас.

Лея уронила кисть. На светлом крае холста осталось жирное пятно, однако она даже не посмотрела. Схватила телефон и набрала мать. Ответила незнакомая женщина, представившаяся медсестрой, подтвердила, что Вера Павловна находится в кардиологии. Посещения разрешали до шести вечера. Лея уже снимала фартук, когда Ильяс оказался у двери.

— Сначала я связываюсь с больницей и проверяю палату.

— Проверяйте по дороге.

— Рамин должен разрешить выезд.

— Он не ответит. У него встреча.

— Тогда ждём.

Лея остановилась перед ним. За последние годы ей часто хотелось закричать, разбить что-нибудь, ударить мужа или хотя бы саму себя за покорность. Но ярость всегда гасла под привычным страхом. Сейчас она не погасла. Мать лежала в больнице, и никакие правила Рамина больше не имели зна-

чения.

— Отойдите.

— Не могу.

— Тогда я пойду через окно.

— Второй этаж.

— Значит, сломаю ноги. Зато не буду ждать разрешения человека, который даже не возьмёт трубку.

Она попыталась пройти, Ильяс удержал её за предплечья. Не сжал, не дёрнул, просто остановил. Лея подняла голову и увидела, что он злится не на неё. Его взгляд скользнул к камере над дверью, затем к Зое, которая стояла у стола, прижав ладонь ко рту.

— Дайте мне пять минут, — сказал Ильяс. — Если Рамин не ответит, я повезу вас сам.

Он вышел. Лея не верила до последнего. За восемь лет рядом с Рамином Ильяс должен был знать цену непослушания лучше остальных. Однако через четыре минуты у входа уже стояла машина. Данияр, ещё прихрамывающий после ранения, проверял колёса, двое охранников занимали места сзади. Ильяс открыл Лее дверь и сообщил, что больница подтверждена, этаж перекрыт, посторонних в палату не пустят.

— Рамин разрешил?

— Он не ответил.

— Вы ведь понимаете, что сейчас нарушаете правила вместе со мной? — спросила, глядя на него.

— Садитесь.

Дорога заняла тридцать семь минут. Лея считала их по электронным часам на панели. Несколько раз телефон Ильяс вибрировал, но он не брал трубку. На экране появлялось имя Глеба. Потом позвонил сам Рамин. Ильяс посмотрел на дисплей, отключил звук и приказал Данияру не менять скорость. В этот момент Лея поняла, что он не просто везёт её в больницу. Он осознанно переходит черту, за которой его долг перед хозяином перестаёт быть главным.

Вера Павловна лежала в маленькой палате у окна. Она сильно постарела за четыре месяца, волосы стали почти белыми, пальцы под прозрачной трубкой капельницы казались тонкими и беспомощными. Лея обняла мать осторожно, боясь причинить боль, но та прижала её к себе с неожиданной силой. Несколько минут они обе молчали. Лея чувствовала запах больничного белья и знакомого крема для рук, которым мать пользовалась с молодости. Всё, что она старалась удержать внутри, поднялось к горлу. Пришлось закрыть глаза, чтобы не расплакаться.

— Он опять не хотел тебя отпускать? — спросила мать, когда Лея села рядом.

— Сейчас опасно. В нас стреляли.

— В новостях сказали, что это была авария.

— Рамин не любит лишнего шума.

Вера Павловна посмотрела на Ильяс. Он стоял у двери, отвернувшись к коридору, но слышал каждое слово. Мать Леи всегда умела замечать больше, чем говорили вслух. Её

взгляд задержался на его лице, потом вернулся к дочери.

— Это тот человек, который тебя привёз?

— Мой новый охранник.

— Новый тюремщик, значит.

Ильяс медленно повернул голову. Лея ожидала, что он сделает вид, будто не услышал, но он подошёл ближе.

— Сегодня я просто водитель, Вера Павловна.

— Водители не смотрят.

Мать протянула руку. Ильяс после короткой паузы пожал её. Вера Павловна не отпустила сразу, внимательно изучая его лицо. Затем тихо попросила беречь Лею. Не для Рамина, не ради работы, а потому что её дочь давно не просит о помощи, даже когда больно. Лея резко встала и подошла к окну. Ей было стыдно, что мать говорит это чужому мужчине, и одновременно хотелось, чтобы Ильяс услышал каждое слово.

Они провели в больнице сорок минут. Врач объяснил, что приступ удалось остановить, но Вере Павловне требовалось наблюдение. Лея договорилась о отдельной палате, оплатила лечение со своей карты и пообещала вернуться на следующий день. Она знала, что может не выполнить обещание. Рамин уже звонил без остановки. Когда они спустились к машине, на экране телефона Ильяса было семнадцать пропущенных вызовов.

— Мне жаль, — сказала Лея, когда автомобиль выехал со стоянки. — Вы не обязаны были рисковать из-за меня.

— Я не из-за вас рисковал. Я выполнил задачу и доставил объект туда, куда объект решил ехать.

— Ужасно убедительно.

— Для отчёта хватит.

Она улыбнулась впервые за много дней. Улыбка вышла слабой, но настоящей. Ильяс заметил её в зеркале и сразу отвёл взгляд. За окном шёл мокрый снег, по стеклу тянулись серые полосы. Лея вдруг поймала себя на мысли, что не боится возвращаться домой, пока он сидит рядом. Это было опасное чувство. Рамин мог отнять любую опору, а тех, кто становился важен, он превращал в рычаг.

Муж ждал их в холле. На нём не было пиджака, рукава рубашки были закатаны, на столике у лестницы разбитый стакан. Глеб и ещё четверо охранников держались у стены. Зоя Сергеевна исчезла с первого этажа. Рамин не смотрел на Лею. Всё его внимание было приковано к Ильяссу.

— Оставьте нас, — приказал он.

— Лея остаётся под моей охраной, — ответил Ильяс.

— В моём доме она останется там, где я скажу.

Лея почувствовала, как воздух стал тяжёлым. Ильяс мог отступить, и никто не назвал бы это трусостью. Он уже нарушил приказ, привёз её домой, не потерял ни одного человека. Но он не отошёл. Рамин приблизился, остановился почти вплотную и заговорил тихо, чтобы слышали только они.

— Ты решил проверить, насколько дорог мне твой долг?

— Её мать была в больнице.

— Мне всё равно, где была её мать. Я запретил выезд.

— Вы не ответили.

Рамин ударил его. Кулак попал в раненый бок. Ильяс побледнел, тело на секунду согнулось, но он удержался на ногах и не ответил. Лея шагнула между ними прежде, чем успела подумать. Развернулась к мужу, закрывая Ильяса собой, хотя понимала, насколько нелепо это выглядит. Рамин замер. Его взгляд опустился на её руки, потом поднялся к лицу.

— Отойди, Лея.

— Нет. Ты злишься на меня. Я попросила его отвезти.

— Я сказал отойти.

— А я сказала нет.

Пощёчина была бы проще. Крик тоже. Рамин лишь посмотрел на неё, и в этом молчании Лея увидела, что он всё понял. Пока не любовь, не желание, даже не привязанность. Он увидел ее глаза. Этого оказалось достаточно.

— Хорошо, — произнёс он неожиданно спокойно. — Сегодня вечером у нас гости. Ты спустишься к восьми. Наденешь красное платье и будешь улыбаться. А с тобой, Ильяс, мы поговорим позже.

За ужином собралось двенадцать человек. Рамин посадил Лею справа от себя, а слева устроилась Марта Белецкая, владелица сети клубов и его давняя любовница, о которой знали все. Марта не скрывала близости с Рамином. Касалась его запястья, шептала ему что-то на ухо, смеялась слишком громко. Раньше Лея страдала, потом привыкла. Мужские изме-

ны в этом доме считались естественными, а женская улыбка другому мужчине могла стоить жизни. Сегодня унижение было устроено не ради удовольствия. Рамин проверял, на кого она посмотрит.

Ильяс стоял у стены за её спиной. После удара он двигался осторожнее, но отказался уйти. Лея ощущала его присутствие кожей. Не оборачивалась, не искала взгляда, почти не говорила. Когда Марта положила ладонь Рамину на бедро под столом, Лея спокойно отпила из бокала воды. Ей больше не было больно. Страшно стало от того, почему именно.

После ужина Рамин перехватил её у лестницы. Гости ещё находились в гостиной, музыка играла тихо, охрана держалась на расстоянии. Он взял Лею за локоть и отвёл в тёмный коридор к библиотеке. Пальцы впились в кожу.

— Ты сегодня много на него смотрела.

— Я почти не поворачивалась.

— Именно поэтому и заметил.

— Ты привёл любовницу за наш стол, а теперь считаешь мои взгляды?

Рамин прижал её к стене. Затылок ударился о деревянную панель, воздух вышел из лёгких. Он не бил по лицу перед гостями, никогда не оставлял следы там, где их могла увидеть камера. Его рука легла на горло, не перекрывая дыхание полностью, только напоминая, насколько легко это сделать.

— Не путай наши права, Лея. Я могу привести в этот дом кого угодно. Ты не можешь даже подумать о другом мужчи-

не.

— Тогда тебе придётся научиться читать мысли.

Пальцы на горле сжались. В конце коридора появился Ильяс. Он увидел их и пошёл быстрее. Он сообщил, что на внешнем периметре сработал датчик и Рамину нужно перейти в защищённую комнату. Ложь была очевидной. Муж понял, что Ильяс снова встал между ними.

Рамин отпустил Лею. Провёл ладонью по её волосам, поправил прядь у лица и улыбнулся так, словно они разговаривали о пустяках.

— Проверь периметр сам. Жена идёт со мной.

— По протоколу я должен сопровождать её отдельно.

— Протоколы пишу я.

— Тогда перепишите завтра. Сейчас опасность не проверена.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Рамин мог приказать убить его прямо здесь, но не сделал. Гости в соседней комнате, возможная угроза снаружи, люди, привыкшие считать Ильяса вторым человеком в охране. Он отступил на полшага.

— Уведи её наверх. И не забывай, кому она принадлежит.

Ильяс сопровождал Лею до спальни. Она держалась ровно, пока дверь не закрылась. Потом ноги подогнулись, и пришлось опереться о комод. На шее уже проступали красные пятна. Ильяс подошёл, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Нужен врач.

— Не нужен. Он не успел ничего повредить.

— Вы говорите так, будто это оправдывает его.

— Я ничего не оправдываю. Я просто знаю разницу между больно и опасно.

— Когда мужчина держит вас за горло, разницы нет.

Лея подняла на него глаза. Ильяс был бледным, на лбу выступил холодный пот, но он смотрел на её шею так, словно собственная рана перестала существовать. В этой ярости не было права собственности. Он не требовал благодарности и не пытался использовать её слабость. Просто ненавидел то, что с ней сделали.

— Почему вы всё ещё работаете на него? — спросила она.

Ильяс опустился на край кресла, осторожно придерживая бок. Некоторое время молчал, затем рассказал о следственном изоляторе, ложном обвинении и свидетеле, которого нашёл Рамин. Не оправдывался. Говорил сухо, без подробностей, будто зачитывал старый протокол. Лея поняла, что восемь лет он платил долг человеку, однажды вернувшему ему свободу, и не замечал, как сам стал частью этой системы.

— Он спас вас, — сказала она. — А теперь думает, что купил.

— Возможно, купил.

— Нет. Купленные люди не везут чужую жену в больницу нарушив указания.

Ильяс встал. Между ними осталось два шага, но после его

движения пространство исчезло. Он смотрел на следы на её шее, сузив глаза и зло, словно каждое красное пятно лежало на его собственной коже. Рука поднялась, пальцы остановились в нескольких сантиметрах от подбородка. Лея сама чуть откинула голову, разрешая. Ильяс коснулся полосы под челюстью так осторожно, что от этого по спине прошла дрожь сильнее, чем от грубой ладони Рамина. Его большой палец задержался у пульса, и Лея увидела, как мужчина сжал зубы, почувствовав её реакцию.

— Больше не позволяйте ему оставаться с вами наедине, когда он злой.

— Это его дом.

— Тогда зовите меня.

— И что вы сделаете?

— Войду.

Он убрал руку и направился к двери. Лея хотела остановить, сказать, что завтра Рамин может отправить его туда же, куда прежнего охранника. Вместо этого спросила, как его рана. Ильяс оглянулся, и впервые в его взгляде не было профессиональной холодности.

— До сегодняшнего утра заживала.

— Дайте посмотреть.

— Не надо.

— Я уже перевязывала вас на складе.

— Тогда в нас стреляли. Сейчас опасность другая.

Лея всё-таки протянула руку к его боку. Ильяс перехва-

тил ладонь, но вместо того, чтобы оттолкнуть, прижал её к своей груди. Под рубашкой быстро и сильно билось сердце. Они стояли почти вплотную, её колено касалось его бедра, запах крови и мыла смешивался с тёплым воздухом спальни. Ильяс наклонился так близко, что его дыхание коснулось её губ, потом резко повернул голову и отпустил. Опасность, о которой он говорил, была не в ране.

Он вышел. Лея осталась у зеркала и долго смотрела на следы пальцев мужа. Потом перевела взгляд на руку, которой Ильяс едва коснулся её кожи. Между болью и прикосновением действительно была разница. Настолько большая, что уже не получалось сделать вид, будто она ничего не чувствует.

ГЛАВА 5

ИЛЬЯС

Рамин наказал их не сразу. В этом была его привычка. Он не любил действовать в ярости, если мог растянуть ожидание и заставить человека наказать себя страхом. Три дня он вёл себя так, будто поездки в больницу не было. Разрешил Лее навестить мать ещё раз, подарил ей серьги, пригласил на ужин. Ильяса он оставил при ней, даже не изменил график. Только Глеб стал появляться чаще, задавал вопросы о маршрутах и несколько раз ловил Ильяса взглядом у спальни хозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.